

УДК 338

АНАЛИЗ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ОБОСТРЕНИЯ ТОРГОВЫХ ВОЙН

ANALYSIS OF CHINA'S FOREIGN TRADE RELATIONS IN THE CONTEXT OF ESCALATING TRADE WARS

Трысячныі В.И.

Trysyachny V.I.

Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации, Санкт-Петербург, e-mail: trysyachny.vi@yandex.ru

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, St. Petersburg, e-mail: trysyachny.vi@yandex.ru

Аннотация: Торговые войны приводят к лобовым столкновениям между ведущими странами, а попытки США и их союзников создать и поддерживать либеральную многостороннюю торговую систему сталкиваются с экономическим национализмом и стимулированием разрыва многосторонних связей с внешними акторами внешней экономики. В этой связи целью статьи является оценка эффективности внешнеторговых отношений Китая на основе анализа национальных соглашений о свободной торговле. Доказано, что акцент на региональных соглашениях позволит Китаю оптимизировать избыточные связи, а также значительно повысит их эффективность и результативность. Последующая экономическая взаимозависимость, которая может возникнуть в результате заключения новых региональных торговых соглашений, может привести к улучшению политических и экономических отношений между Россией и Китаем.

Ключевые слова: соглашения о свободной торговле, торговые войны, протекционизм, внешнеторговые отношения, внешняя политика

Abstract: Trade wars lead to head-on clashes between the leading countries, and attempts by the United States and its allies to create and maintain a liberal multilateral trading system face economic nationalism and encourage the severance of multilateral ties with external actors in the external economy. In this regard, the purpose of the article is to assess the effectiveness of China's foreign trade relations based on an analysis of national free trade agreements. It has been proven that the focus on regional agreements will allow China to optimize redundant connections, as well as significantly increase their efficiency and effectiveness. The subsequent economic interdependence that may result from the conclusion of new regional trade agreements may lead to an improvement in political and economic relations between Russia and China.

Keywords: free trade agreements, trade wars, protectionism, foreign trade relations, foreign policy

Дата поступления статьи в редакцию: 01.03.2025

Дата принятия статьи в печать: 28.03.2025

Введение

В настоящее время торговые преференции могут предоставляться путем выборочного снижения торговых барьеров против одних стран или путем повышения барьеров против других. Данные стратегии были актуальны еще в 1930-х годах и продолжают оставаться такими и в современном торговом мире, особенно после начала торговой войны между США и Китаем.

Снижение барьеров может осуществляться способом, который дискриминирует или не дискриминирует отдельные страны. Оно может осуществляться как часть согласованного международного соглашения или в одностороннем порядке, а именно:

- односторонние недискриминационные сокращения;
- односторонние дискриминационные сокращения;
- согласованные на международном уровне недискриминационные сокращения;
- согласованные на международном уровне дискриминационные сокращения.

С другой стороны, в настоящее время торговые войны приводят к лобовым столкновениям внутри крупных внешнеторговых узлов, что неизбежно эскалирует конфликты между внутренними и внешними сетями. Попытка США и их союзников создать и поддерживать либеральную многостороннюю торговую систему стал-

живается с серьезными проблемами внутри стран. Внутренние сети тяготеют к экономическому национализму, поддержке изоляционизма, протекционизму и силовому двустороннему подходу. Расширяющийся либеральный экономический порядок привел к значительным экономическим и политическим неудачам внутри западных демократических государств. Таким образом, внутреннее давление на узлы двигает государства в направлении торгового протекционизма, прежде всего, за счет разрыва многосторонних связей с внешними сетями.

В этой связи **целью статьи** является оценка эффективности внешнеторговых отношений Китая на основе анализа национальных соглашений о свободной торговле.

Результаты исследования

Темпы и длительность роста доли Китая в мировой торговле являются аномальными, и одной из причин этого является наличие широкой сети соглашений о свободной торговле (ССТ), которая еще больше укрепляет его сферу влияния. Данные ССТ в настоящее время рассматриваются как новый способ [6]:

дальнейшего открытия внутреннего рынка стран;

интеграции в мировую экономику;

укрепления своих связей с другими странами посредством экономического сотрудничества.

Китай также научился стратегически позиционировать себя при заключении таких соглашений, что позволило ему закрепить свой статус мирового производственного центра и расширить доступ к большинству глобальных рынков. По состоянию на конец 2022 года Китай имеет:

17 общих ССТ, которые уже подписаны и реализованы;

12 ССТ в стадии переговоров;

8 ССТ в стадии рассмотрения.

После того, как все они будут окончательно оформлены и заключены у Китая будет в общей сложности 37 ССТ, тогда как у США имеется всего 14 ССТ.

Рассмотрим три соглашения о свободной торговле, которые позволят лучше понять внешнеторговую политику страны [8, 9].

ССТ между Китаем и Маврикием было подписано 17 октября 2019 года, которое стало первым торговым соглашением между Китаем и африканской страной. Оно включает в себя нулевые ставки тарифов на торговлю товарами, доля которых достигла 95 % товарооборота между странами. Китай в основном экспортирует стальную продукцию, текстиль и другие продукты легкой промышленности, а Маврикий – тростниковый сахар. В сфере торговли услугами обе страны обязались открыть более 100 подсекторов, а в отношении инвестиций обе стороны обновили соглашение о защите инвестиций между Китаем и Маврикием 1996 года.

ССТ между Китаем и Южной Кореей было подписано в 2015 году. В результате обе страны стали близкими торговыми партнерами, причем Китай стал крупнейшим импортером товаров из Кореи, а Корея стала четвертым по величине партнером в отношении китайской экспортной продукции. Торговое соглашение в регионе Восточной Азии в настоящее время продвигается на более высоком уровне через трехсторонне ССТ между Китаем, Японией и Кореей (СЖК).

ССТ между Китаем и АСЕАН (CAFTA) было первым соглашением, подписанным Китаем совместно с лидерами АСЕАН еще в 2002 году. На первом этапе шесть подписавших соглашение стран отменили тарифы на 90 % своих товаров к 2010 году. Превращение Китая в глобальную экономическую сверхдержаву привело к увеличению иностранных инвестиций и его становлению как связующего звена между предприятиями, управляемыми зарубежной китайской общиной в Юго-Восточной Азии. Последнее обновление охватывало не только товары, услуги, инвестиции, но и также экономическое и технологическое сотрудничество.

С вступлением Китая в ВТО в 2001 году его активность на мировых рынках значительно усилилась, поскольку он получил более тесный доступ к другим узлам в сети ВТО. Первые торговые соглашения были подписаны в 2002 и 2003 годах с АСЕАН и ее регионами, Макао и Гонконгом, соответственно. Первоначальная стратегия Китая в области ССТ была сосредоточена на странах с относительно небольшой экономикой. За исключением АСЕАН, первые 12 ССТ Китая заключены с небольшими торговыми партнерами. На ранних стадиях переговоров предмет соглашений касался товаров, а затем услуг и инвестиций. Данная стратегия использовалась в переговорах по соглашениям о свободной торговле между Китаем и АСЕАН. Подготовительным этапом заключения соглашений была реализация программы Early Harvest Scheme, что позволило укрепить доверие между торговыми партнерами, поскольку они определили товары для либерализации тарифов до окончательного согласования условий соглашения о свободной торговле.

Рассматривая конкретные критерии, используя которые Китай выбирает партнеров по ССТ, необходимо выделить следующие [4]:

высокий ресурсный потенциал;
имеют стратегически важное значение для Китая;
страны с небольшой, но открытой экономикой.

Китай стремится устанавливать партнерские отношения со странами, богатыми ресурсами. Австралия, экспортирующая в общей сложности 53,7 % мировых поставок железной руды, является хорошим примером. Ее торговля данным товаром с Китаем, несмотря на напряженность в связи с призывом Австралии к расследованию происхождения коронавируса в апреле 2020 года, продолжает расширяться, поскольку спрос Китая на сталь увеличивается из-за его новых инфраструктурных проектов. Другим примером является Чили, которая экспортирует медную руду в Китай, что делает его крупнейшим экспортным направлением с общей стоимостью 19,2 млрд долларов. Данный критерий также может включать случаи Грузии и Перу, поскольку данные страны являются значительными поставщиками других минеральных руд в Китай. На этих примерах видно, что, хотя Китай и известен как крупнейший экспортер и производитель в мире, он также импортирует большое количество первичных ресурсов и сырья.

Вторым критерием является открытость и стратегическая значимость страны. Была предложена модель, определяющая возможность подписания соглашения о свободной торговле с Китаем на основе следующих переменных [2]:

размер ВВП;
расстояние до Китая;
азиатские или неазиатские страны;
количество заключенных региональных торговых соглашений;
объем импорта товаров;
приток и отток прямых иностранных инвестиций.

С помощью данной модели было доказано, что чем больше количество существующих соглашений о свободной торговле у страны, тем выше вероятность того, что эта страна заключит ССТ с Китаем. В действительности, страны, у которых широкая сеть ССТ, кажутся открытыми экономиками, которые готовы снизить тарифы и нетарифные барьеры для либерализации торговли. Будучи аутсайдером по участию в торговых соглашениях в других регионах, таких как ЕС, USMCA и CPTPP, Китай имеет мало возможностей получить преференции по доступу на новые рынки. Именно поэтому Китай стремится сотрудничать со странами, у которых большое количество заключенных ССТ. Рассматривая существующих партнеров Китая следует отметить, что большинство из них участвуют в более чем 10 ССТ (Чили – 11, Австралия и Коста-Рика – 14, Корея – 15, Сингапур – 25, Швейцария – 31). Другими словами, Китай стремится заключать ССТ со странами, готовыми и желающими либерализовать свою внешнюю торговлю [10].

Последний критерий – относительно небольшой размер экономики страны. В основном номинальный ВВП партнеров Китая по ССТ невелик, но большинство экономик этих стран также являются самыми открытыми в мире. Пять партнеров Китая по ССТ (Сингапур, Гонконг, Новая Зеландия, Австралия и Швейцария) входят в первую пятерку «Индекса экономической свободы» 2020 года, опубликованного Heritage Foundation. Эффекты соглашений о свободной торговле усиливаются в плане 5:

облегчения доступа к рынку и инфраструктуре;
повышения инвестиционной привлекательности;
улучшения условий для предприятий;
повышения прозрачности системы управления.

Это идеально соответствует экспансионистской политике Китая по распространению своих промышленных товаров и инвестиций по всему миру.

Все рассмотренные критерии соответствуют ССТ между Китаем и Маврикием:

Маврикий — небольшая страна, расположенная у восточного побережья Африки;

среди основных экспортных товаров страны следует отметить: сахар, рыбу и одежду, в то время как импортируемыми товарами являются нефтепродукты, замороженная рыба, автомобили, медикаменты и радиоэлектронное оборудование;

торговые отношения установлены между Маврикием и многими партнерами по всему миру, такими как, ЕС, США, Индия, Китай и Южная Африка. В частности, Китай является третьим по величине источником импорта, на долю которого пришлось 16,5 % от общего объема импорта страны.

Таким образом, можно выделить три фактора, способствующих подписанию ССТ между Китаем и Маврикием в 2019 году:

Маврикий обладает огромными природными запасами сахара и рыбы, что делает страну источником дешевого сырья для Китая;

страна является небольшой, но открытой экономикой, что подтверждается ее широкой торговой сетью с рядом крупных стран;

Маврикий является стратегически важным мостом между Китаем и странами Африки.

ССТ между Китаем и Маврикием является только началом сотрудничества между Китаем и Африканским союзом, а также Африканской континентальной зоной свободной торговли (Af-CFTA), охватывающей 55 стран с совокупным ВВП в размере 3,4 трлн долларов США и около 1,3 миллиарда потребителей. Огромные китайские инвестиции в Африку в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и подписание ССТ с Маврикием являются примерами сотрудничества, которое стимулирует другие африканские страны также заключать ССТ с Китаем (эффект домино-теории регионализма). В рамках теории сетей, чем больше узлов присутствует в сети, тем мощнее она становится, т.е. торговля и инвестиции в регионе делают Китай важным партнером для африканских стран и усиливают его сеть ССТ на континенте.

Помимо рассмотренных выше факторов во внешнеторговой сфере, также следует учитывать политическую сторону выбора партнеров по ССТ. Очевидно, что как Китай, так и США, формируют свою собственную сеть для противодействия друг другу. Если мы посмотрим на страны в сети ССТ Китая, то ни одна из них не имеет тесных связей с США, за исключением Австралии. Это связано с тем, что Китаю сложно заключить соглашение со страной, у которой США является главным торговым партнером, поскольку существующий конфликт интересов и политическое давление со стороны США мешают процессу получения выгод от ССТ [1].

Одиннадцать партнеров Китая по ССТ находятся в регионе Юго-Восточной/Восточной Азии. Это может быть связано с низкими логистическими издержками из-за близкого расположения, но также следует учитывать тот факт, что имеющиеся перекрывающиеся торговые соглашения могут приводить к недоиспользованию и неэффективности соглашений о свободной торговле в регионе. Многие компании могут не использовать данные ССТ из-за различий в графиках поэтапной отмены тарифов, противоречивых стандартов, а также других бюрократических проволочек. В результате ССТ, которые были созданы для содействия более прочным экономическим и коммерческим отношениям между подписавшими странами, не используются в полной мере. Соглашение о свободной торговле между Китаем и АСЕАН, имеющее самый высокий уровень внедрения среди всех сетей ССТ Китая, использовали только 29,6 % из 232 опрошенных китайских фирм. Такое неэффективное использование ССТ влияет на устойчивость внешнеторговых сетей Китая.

Считается, что Китай, заключая ССТ, преследует только собственные интересы. Однако, отчет USCC показывает, что сотрудничество и уступки Китая в сетях ССТ были весьма значительными [3]. Например, страна позволила каждому члену АСЕАН устанавливать индивидуальные тарифные сетки внутри ССТ. Китай также открыл свой импорт сельскохозяйственной продукции и либерализовал АПК, несмотря на возможное противодействие со стороны местных производителей.

С другой стороны, Китай обычно заключает ССТ с минимальным перечнем товаров, расширяя его в дальнейшем по необходимости. Это снижает эффективность ССТ на начальном этапе, но их гибкость позволяет удовлетворить определенные запросы его торговых партнеров. Такой минималистский подход Китая к своим ССТ позволяет стране применять кнут и пряник на основе дальнейших переговоров и пересмотре стратегических последствий самого соглашения.

Очевидно, что экономический потенциал Китая дает ему преимущество в переговорах с его торговыми партнерами, поэтому ему легко влиять на другие соглашения о свободной торговле и реализовывать свои стратегии. Китай, является крупнейшим в мире экспортером товаров с 2009 года, поэтому практически по умолчанию является торговым партнером большинства стран. Таким образом, нахождение за пределами сети ССТ Китая сопряжено с рядом недостатков, таких как:

ограниченный доступ к китайскому рынку;

ответные меры в отношении отечественных фирм, работающих в Китае;

угроза торговых войн для стран, бросающим вызов Китаю.

В настоящее время Китай обладает большим потенциалом во внешней торговле с позиции сетевого подхода:

растущая сеть ССТ Китая расширяет его внешнеторговую мощь и, таким образом, увеличивает издержки исключения, особенно если рассмотреть синергетический эффект от сетевого взаимодействия;

сетевой потенциал Китая во внешней торговле способствует росту его влияния, позволяя стране определять правила соглашений;

сетевая мощь страны, по крайней мере, в отношении его внутренних узлов, также является значительной, поскольку Китай часто действует независимо от оппозиции других социальных субъектов, как, например, в случае импорта сельскохозяйственных товаров из стран АСЕАН, негативно повлиявший на местных фермеров в Китае.

Что касается степени централизации в китайских сетях, то Китай стал узлом с высокой степенью выхода, так как связи укрепляются инвестиционными потоками. Китай планирует инвестировать более 1 триллиона долларов США для развития инфраструктуры своих партнеров за десять лет с 2017 по 2027 год. Большая часть китайского финансирования поступает от государственных банков развития и коммерческих банков, а также в рамках частно-государственных партнерств. В 2023 году Китай осуществлял инвестиционные проекты в 140 странах по всему миру [7]:

- 40 стран находятся в Африке к югу от Сахары;
- 34 в Европе и Центральной Азии (включая 18 стран ЕС);
- 25 в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе;
- 18 в Латинской Америке и Карибском бассейне;
- 17 на Ближнем Востоке и в Северной Африке;
- 6 стран Юго-Восточной Азии.

Инвестиции Китая стали незаменимым источником не только развития инфраструктуры, но и социально-экономического развития стран с низким и средним уровнем дохода. Благодаря инвестиционным проектам отношения между Китаем со своими партнерами значительно улучшились и укрепились.

С другой стороны, Китай также квалифицируется как узел с высокой степенью вхождения в сеть ССТ по критерию выбора партнера «достаточность природных ресурсов». Поскольку природные ресурсы необходимы для развития многих ключевых отраслей, Китай все больше зависит от импорта некоторых полезных ископаемых, например, дефицит составляет 95 % хрома, 90 % кобальта, 79 % золота, 73 % меди, 73 % железной руды и 67 % нефти. Китай также является крупнейшим потребителем железной руды в мире. Его импорт железной руды резко вырос с 2016 года и достиг 20-летнего пика в октябре 2021 года, составив более 1,6 миллионов тонн в месяц. С ростом притока природных ресурсов из стран-партнеров в Китай связи укрепляются, что превращает Китай в входящий узел.

Заключение

Учитывая текущие тренды, можно сделать вывод, что Китай и его партнеры по ССТ имеют определенную степень взаимозависимости благодаря оттоку инвестиций и притоку ресурсов. Однако большой торговый дефицит с Китаем исключает возможность того, что другие узлы будут находиться рядом с ним в той же сети. Доказательством этого также можно считать торговые отношения между Китаем и Индией. В 2022 году торговый дефицит Индии составил 105 миллиардов долларов, из которых на Китай приходилось 54 миллиарда долларов или более 50 % от всей суммы дефицита внешней торговли Индии. Именно из-за этого рост либерализации торговли в Индии приведет к росту торгового дефицита, что заставляет сохранять безопасную дистанцию в виде торговых барьеров с Китаем.

Коммуникационный шаблон сети ССТ Китая можно рассматривать как реляционный, а не аффилированный, поскольку ССТ в основном определяются правилами, обусловленными наличием, направлением и масштабностью отношений между двумя сторонами. Несмотря на то, что стандарт данной сети характеризуется готовностью Китая удовлетворять запросы своих партнеров по ССТ, нельзя отрицать, что упомянутые ранее факторы играют роль в определении правил взаимодействия в сети. Например, Пакистан является одним из ближайших союзников Китая. Согласно отчету China Briefing, объем торговли между двумя странами составил 13,2 млрд долларов США или 16,4 % от объема торговли Пакистана в 2018 году, что показывает масштаб отношений между Китаем и Пакистаном. Фактически, первоначальное ССТ, подписанное в 2006 году, прошло вторую фазу переговоров с 2011 года и было модернизировано в 2019 году. Новое соглашение устранило тарифы и расширило доступ к внутренним рынкам. Кроме того, последняя версия ССТ включает протекционистские меры для защиты отечественной промышленности, что позволяет полностью увидеть преимущества модели реляционной коммуникации.

Структура отношений, за исключением соглашения о свободной торговле Китай-АСЕАН, которое охватывает все десять государств-членов АСЕАН, остальные ССТ в рамках внешнеторговой сети Китая можно считать двусторонними. Это связано с тем, что Китай заключил свои первые соглашения только в начале 2000-х годов, но с тех пор он, очевидно, играл более активную роль в расширении своей торговой сети посредством заключения двусторонних ССТ.

Более того, Китай интегрирует финансовую помощь с моделями реляционной коммуникации в двусторонних соглашениях о свободной торговле, чтобы построить тесную и плотную сеть типа «ступеница и спицы» со своими партнерами. Финансовая помощь Китая используется для содействия в борьбе с нищетой, развитию инфраструктуры и промышленности, что в дальнейшем помогает Китаю занять чрезвычайно важную роль в экономическом развитии данных стран. Если взять в качестве примера китайско-африканские отношения, то

Китай является не только крупнейшим торговым партнером, но и важным источником инвестиций и финансовой помощи для Африки. Китай помог африканским странам построить более 6000 км железных и 7000 км автомобильных дорог, 20 портов, более 80 крупных электростанций, 130 медицинских учреждений, 45 стадионов, около 170 школ, а также новую штаб-квартиру Африканских центров по контролю и профилактике заболеваний. Очевидным является тот факт, что огромная финансовая поддержка Китая для Африки предоставила стране неотъемлемую роль в пути развития каждой африканской страны и процессе регионализации их отношений. В результате они становятся более зависимыми от китайской экономики, становятся зависимыми звеньями вокруг центра, которым является Китай, что также способствует росту сети ССТ.

Сеть ССТ Китая имеет две отличительные характеристики. В отличие от США, Китай часто начинает с более узкого спектра продуктов и постепенно расширяет его по мере развития ССТ. Одним из примеров является ССТ Китай-Швейцария, в котором 40 % от общего объема швейцарских станков не получили льгот по тарифам. Это отрицательно сказалось на швейцарских экспортерах, и хотя Китай смог снизить текстильные тарифы на 99 %, в итоге только 1,3 % всех швейцарских товаров, поступивших на китайский рынок, получили тарифные преференции.

Китай также стремится заключать соглашения, включающие только ограниченную либерализацию, которая впоследствии расширяется в многочисленных раундах переговоров. Сотрудничество со временем сделает Китай и его партнеров более экономически взаимозависимыми, так как он является одним из важнейших экспортных направлений, особенно для сельского хозяйства и природных ресурсов. В свою очередь, Китай является основным экспортером машин и электронных компонентов для стран-партнеров, которые со временем улучшают свои переговорные позиции в торговых сделках и добиваются более высокого уровня либерализации.

В настоящее время торговая сеть Китая является одной из крупнейших в мире с высоким экономическим потенциалом, которую удалось создать в кратчайшие сроки. Учитывая огромный рынок, а также производственные и инвестиционные возможности Китая, можно ожидать, что все больше стран будут участвовать в данной сети более активно. Более мелкие узлы будут нуждаться в инвестиционной поддержке со стороны Китая больше, что особенно важно в кризисных условиях.

Несмотря на свой потенциал, Китай должен быть заинтересован в решении проблем, которые были определены выше. Страна должна более активно сотрудничать с лидерами азиатских стран, чтобы иметь возможность консолидировать пересекающиеся ССТ, или, другими словами, максимизировать эффект «миски спагетти». Создание одного регионального соглашения, которое оптимизирует избыточные ССТ, значительно повысит их эффективность и результативность, а также позволит увеличить коэффициент использования фирмами. Последующая экономическая взаимозависимость, которая может возникнуть в результате заключения новых региональных торговых соглашений, может привести к улучшению политических и экономических отношений между ведущими странами.

сеть должна иметь максимальную доступность, что относится к простоте присоединения к сети для новых участников и принятия ее стандартов;

сеть должна иметь максимальную несовместимость с конкурентными структурами;

сеть должна иметь низкую степень пластичности, что означает, что стандарт сети не должен легко пересматриваться другими игроками.

Если адаптировать опыт Китая для Российской Федерации, то можно сказать, что Китай посредством своих ССТ и других средств, таких как прямые иностранные инвестиции, стремится расширить границы своей торговой сети для максимизации своего внешнеэкономического потенциала.

Литература

1. Кнобель А.Ю., Пономарева О.В., Седалищев В.В. Торговая война США и Китая и ее последствия для мировой экономики // Экономическая политика. 2024. № 19 (5). С. 30-53.
2. Маглинова Т.Г. Торговая война США и Китая: экономические причины и последствия // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 8. С. 123-126.
3. Condon B. From NAFTA to USMCA: Two's Company, Three's a Crowd // Latin American Journal of Trade Policy. 2019. Vol. 1 (2). P. 30-31.
4. Egger P., Nigai S., Strecker N. The Taxing Deed of Globalization // American Economic Review. 2019. Vol. 109 (2). P. 353-390.
5. Feng F., He P., Han J. How can free trade agreements ease the rule conflict of trade frictions // China Industrial Economics. 2018. Vol. 10. P. 118-136.
6. Gilpin R. The Political Economy of International Relations, Princeton: Princeton University Press, 1987. 166 p.
7. James H. Globalization's Coming Golden Age // Foreign Affairs. 2021. Vol. 100 (3). P. 1-16.

8. He L., Lu Y., Wu H. The Impact of GDPR on Global Technology Development // Journal of Global Information Technology Management. 2019. –Vol. 22 (1). P. 1-6.
9. Lu Y., Lou C., Du Y., Tu X. Analysis of the impact of Sino-US trade friction based on the tariff lists // Journal of Finance and Economics. 2019. Vol. 45 (2). P. 59-72.
10. Zhang X., Chen Y., Wu F. May the export product quality upgrading reduce China's foreign trade frictions // China Industrial Economics. 2018. Vol. 7. P. 43-61.